

Ольга Татаринова

VITA BREVIS

Книга ранних стихов

Москва
Издательство «БПП»
2009

От автора

Возможно, эту книжку слишком ранних — и слишком уж давних (иные ещё школьные) — стихотворных опытов совсем даже и не нужно было бы издавать, её время ушло. Как и время моё, её автора, время той жизни. Но тем не менее я дорожу ими, старыми-старыми своими стихами, как и дорожу выросившей меня атмосферой, тем состоянием обстоящего воздуха, в котором выросла: послевоенное детство, жадная до культурных ценностей душевная и духовная жизнь в обстановке старинной русской провинциальности, бедности материальной и избытка мечтательности, пребывания по большей части в воображаемой реальности. И что это была за реальность — как раз отражено только в этих, не слишком ещё совершенных по исполнению, едва ли осознаваемых стихах, но только в них — и нигде больше. И никогда уже ничего подобного не повторится, уж это наверное.

Река стояла. Лед хранил лягушек.
Неслись по льду коньки, снежки и санки.
Но здесь себя я вдруг не обнаружил,
вдруг весь — не здесь,
а в чьем-то мнимом замке:
широкий мир, и холод стен и чувств.
Я не хотел во взрослый мир нарочно!
И незаметно я ему поддался.
Но вдруг вокруг
все тяжело и сложно,
а я смотрел на санки и смеялся.

Пальцами рассеянно растерла
маленькое яблочко брусники —
горький, горький дым, чужие крики...
Лучше быть совсем без дома!

Задумчив нежный взгляд мадонны Литта...
Беспечна юная мадонна Бенуа...
Танцуют капли на асфальте чистом,
Свинцовым холодом подернута Нева.
Стремглав скользит бесшумная ракета,
Не к ясным маякам спешит душа.
Я каждый раз, когда пишу про это,
Все опускаю, скрытностью дыша.
Мы любим — лжем!
Не любим — тоже лжем!
Не разжимайте пальцы на штурвале:
Мы, потрясенные своим счастливым днем,
Не знаем дня, и никогда не знали!
А беглость нашей жизни заводной
Замедлила шаги на парапете:
Вдохнем пред ликом барышни святой,
Чтоб убедиться в жизни на планете.

1 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Сны наяву — открыв старинный ларь,
мотивчик давний вдруг услышать еле-еле:
морозный дым из двери, и янтарь
прозрачный, из лесу пришедший вместе с елью.
На пояске — кармашек с фундуком,
тяжелый пестик ступки в честь печати Тома Кенти —
ты — принц и нищий,
ты — священный гном:
вокруг толпятся бабка, дед, соседи...

ФУГА СМЕРТИ

О Сандро взгляни на свою Афродиту
нежнейшую пенную с небом сравнимую
Сандро взгляни
О Боже взгляни на деянье святое:
тобой сотворенный
по имени Сандро содеял Венеру —
богиню из пены
из пены на пепле с веревкой на шее
тобой сотворенной веревкой на вые
со слабой ручонкой заломленной в силе
тобой сотворенных бесслабных арильвов
бесстрашных и мудрых с пюпитром и пылью
крестовых походов на крепких затылках
О Сандро взгляни на свою Афродиту
О Боже взгляни на его Афродиту
Венеру из пены с веревкой на вые
богиню без меры из мрака стихии
сумятицы Божьей до срока до часа
так ясно похожей как прежде прекрасной
таинственно ясной из мрака рожденной
стихии свободной стихии огромной
о Сандро взгляни...

Над медленно струящейся рекой,
сиявшей ярко-лунной белизной,
я в первый раз увидела черты
нагой природы чудо-правоты.
Мне страшный лик затмил твоё лицо,
я выронила в реку ту кольцо,
и сколько ты ни плакал, ни искал —
меня ты не нашел, лишь перстень подобрал.

Смеркается, как льют чернила;
морозит, как читают вслух.
Зима с усмешкой упразднила
режима праведного дух.

Сижу, окованная чарой
экрана зябкого стекла;
созвучьем сонному хоралу
снег падает, как опускают взгляд...

Ни памяти, ни горя, ни сметенья, —
волшебный, гипнотический покой:
я будто не дышу, и в изумленье
впервые в жизни вижу сон такой.

И Бах звучит, и сумерки так рано,
и робкий снег торопится впотьмах —
а на стекле какой-то посох странный
растет и расцветает на глазах.

Солнце сугробы
Свеченье спирали
Солнце сугробы
Скитанья кругами
Стрелки-соломки
Сухими снопами
Ряженных стекол
Глухое дрожанье
Санные сны
В голубом увязанье
Сонные думы
В глубоком молчанье
Солнце сугробы
В заметенной дали
Звон бубенцов
По далекой спирали
Солнце сугробы...
Одна — вечерами.

Альфред Теннисон

Отрывок из поэмы «Принцесса»

Великолепный отсвет лет
И сказок замок осеняет,
Каскад воды со скал бежит,
И блики в омутах блуждают.
В рог затруби, чтоб эхо отвечало —
И замирало, замирало, замирало...
 Чу! Слышен чище все и тише
 Звук дальний, тонкий, серебристый,
 С далеких скал он прозвучал —
 То эльф в рожок свой заиграл!
Труби! — багряная долина отвечает,
звук замирает, замирает, замирает!
Любовь, и та — умрет ли в небесах,
Иль истощится на холмах былого! —
Но путь продолжит эхо в дальний дол
От сердца к сердцу, снова, снова, снова...
Лишь затруби — и эхо отвечает,
И замирает, замирает, замирает...

У.Шекспир. Music

Кто музыкой в душе своей не зван,
Кто не живет со звуками в согласье,
Способен на коварство и обман,
Мрачны как ночь его глухие страсти
И склонности влекут в Эреба тьму —
Остерегись довериться ему!

Кот на цепи, и пенье клетки,
и ангелы оплывших свеч,
повсюду спрятаны в беседках
сны, говоры, движенья плеч.
Разбудит эти впечатленья
неясный и далекий звук —
загадочных теней движенье
порывисто смыкает круг
и умыкает взоры, мысли
в стремительный и страстный бег...
То расступились, то нависли
созвездья звонов в серебре.
О вожжи, вожжи золотые!
Подайте вожжи в руки мне!

Не потому, что люблю тебя,
грустно-далёк мой взгляд;
не от сырого дня и дождя
слёзы на веках блестят;
не от печали струнной межи
сжимается сердце в горсть;
не думай — дела мои хороши.
Кто ж этот частый гость?
Зачем заломила брови и лоб
продлила изгибом рук?
Се снова поплыл над толпой столб,
и з о б р е т ё н н ы й для мук.

П.-Б. Шелли. Music

1.

Я жду, и сердце ждет божественного сна —
Расцвета полного и полного разлива,
Очарования сладчайшего вина —
Звучащей музыки серебряного ливня.
Так без нее пуст и печален я,
Как степь, засохшая до нового дождя.

2.

Не испытать, не пить бы эти звуки,
Еще, но о еще! — я жажду вновь
Их обольстительной змеино-тонкой муки,
Вглубь сердца льющейся, чтоб погубить его;
И в венах яд свой сладкий растворя,
Ум поражают мне, и в сердце ранен я.

Мне говорят — нет в мире ярче мая,
мне говорят — что нет росы звончей,
мне говорят — есть флаги цвета рая,
мне говорят — про нежных снегирей...

Есть день и утро, вечер, ночь, и звезды
толпятся в отмелях морей небесных карт,
они мигают — вертятся как будто
и все наперебой о чем-то говорят.

Мне говорят — о разном и о том же,
так слышу все, о чем мне говорят —
покойный день и пасмурное утро,
ночная звень и зимний снегопад!

Я слышу всех порой — чужие плачи,
родные шелесты недумающих губ;
и есть единый взгляд — вдруг все понять, что значит
любое слово, все, что говорят.

Всем позволяю
петь и рисовать,
бродить среди цветов
и думать между строчек.
(Ведь смысл столетия — облегчать
давление шахт, чтоб пел рабочий?)

Когда же трудно
наверху дышать —
не воздуха нехватка, а дыханья.
Твой цветик у окна —
осколок сна
на пестрой клумбе мирозданья.

Попробуй, потрудись —
увидишь сам:
хоть тяжело ведро на коромысле,
но сила плеч
лишь помогает нам
с уверенной, небоязливой мыслью

легко шагать,
и петь, и рисовать
цветы среди цветов
и строчки между строчек.
А кто не может
петь и рисовать,
тот петь и рисовать не хочет.

Есть разум,
и есть сердце;
к сожалению,
это — разное:
то сердцу
просто горестно,
что просто бывает
разуму.

Бывает
и сердцу просто,
что разуму
не по уму, —
сердце мое,
рослое,
будь опорой ему.

Сидни Кейс¹ (1922-1943)

САДОВНИК

Приди сюда однажды, в светлый день,
В такой, как этот. Появись в тюльпанах,
На ярких розовых и желтых грядках.
Я — твой. Я так спешу, что глупый гравий
Искрится у меня под башмаками.
О приходи, такой сегодня день!

И пусть твоя рука, опавший лист
В прожилках тонких, срезанный невольюно,
Мне на ладонь опустится легко.
И ласки очертаний мне довольно.
Кружится шмель над розовым кустом,
И время спит в моей руке, как лист.

Скажи мне — ты такой же тихий ангел,
Что в детях поселяются? И ты —
Цветок, такой, как эти? О, скажи...
Влюбленные и нищие уходят,
Ты не пришла, и кончена игра.
Нелепо ждать, чтобы явился ангел!

¹ Сидни Кейс — английский поэт, погибший на II Мировой войне.

АНТИСИМВОЛИСТ

Если поверить символов реченью,
что мир вращается по знакам Зодиака
вокруг оси творящего ума —
тогда приветствую и планы просвещенья,
свершенья революций,
повторенья разумные из пройденного дня.
Мрак неизвестности рассеян;
но моя произвольная и бьющаяся мысль
не видит никаких соотношений
между предвиденным и царственно-случайным:
так ветер бродит в кипарисах;
дрожание листа; венки увядший.
Мгновенья тонут в памяти моей. Им тесно.
У кипарисов нет понятия «ветер»,
и ветер никогда не умирает;
старухой справят завтрак в пышном склепе;
ее собака любит поиграть
железными игрушками надгробий.
Не ищет повторения ничто,
но есть неуловимое звено,
связующее нас со всем почившим
в земле, незабываемым и незабвенным.
И нам иного не дано.
Предвиденье — это движенье мысли,
невозвратимое необозримым миром,
и остаются лишь источники ее,
непредугаданных паденье водопадов.
И — вечности пустынная молва.
Так старец-грек видал этот поток; у нас —

Своя струящаяся в недрах Ниагара,
и устремления — не наше дело.
И высшим достиженьем —
будь оно даже занесено на карту —
ну и что? — гордиться незачем.
Искусство, польза от него — ничтожны.
Наука — предлагает лишь сюрпризы пучине боли.
Сдвинется засов — и время устремляется на запад.
Но человеческие мелкие райки
изрядно тонут в мертвой зыби моря.
И смерть, и ветер, и старуха, пес ее —
и мой не в меру любопытный разум
встречаться могут по-соседски,
иногда, и смешиваться — без вопросов.

А. Гогоадзе

Листья устали опали спустились
с неба упали остыли сгустились
нежным огнем по платформе пустились
нежным огнем... Мне так жаль уезжать.

Небо намокло. Остались отстали
дом и поляна исчезли в тумане
сумерки плавно скользят над полями
стынут поля... Мне вас жаль покидать.

Круг быта сомкнулся вокруг, как петля,
и я бессильна себе помочь:
безликий гул подхватил мое я,
мчит от сути куда-то прочь;
Вокруг неизменны — и труд, и лень,
и ум, и праздность серого бытия,
среди характеров людских бродит и моя тень —
но только я одна не узнаю себя.
Зачем говорить? Все так ясно!
Слабый крик, стон — зачем?
Зачем вымаливать у судьбы напрасно
как милостыню и себе маленький эдем?
Вот если б только узнать — хоть в конце,
что песнь моей души разлилась
улыбкой на худеньком бледном лице
и с песней губ усталых слилась —
тогда б можно: слезы лила б рекой!
Но этого нет: все масти постылых
больше в сто крат довольны собой,
видя мое лицо унылым;
И нет союзников — я одна;
потешный успех — осчастливить не может.
Такой вот мир поглотил меня
в шорохе дней, как все звезды на свете, похожих.

1955

ЗАРАТУСТРА

высоко я взобралась — слов мне уже не слышать;
медленно тлеют туманы, ветер струит благодать
в душу мою опаленную, где-то внутри разделенную,
кровью хромой разнесенную...

Нет больше снов и желаний, есть только вихри волос,
есть только клики преданий, есть холодящий мороз —
вот он у ног притаился, он моим станом пленился,
вот уж в запястье впился —

как я заснула, не знаю, как это зелье пила? —
только одно вспоминаю: боль мое сердце вела.
Трудно достать замерзающую,
трудно увидеть мерцающую,
ветром холодным пугающую...

Последние искры сознания я напрягаю во льдах —
есть ли в природе то пламя, чтоб обороть холода,
чтобы поведать товарищам про ледяные пожарища,
колышки вбить по маршруту, о лед обдирая руки.

Не помню дня, когда я понял,
Что жизнь — большое колдовство
В спалённом и горящем поле;
Охвачен пламенем его,
Иду в улыбках терпкой боли,
Творя молебна торжество.

Я не считаю, сколько клеток
Испепелит во мне любовь,
И не пойму благих заветов
Пока не испарится кровь,
Пока безумство нежных женщин
И нежность каменных мужчин
Во мне выдерживают встречи
Со всю радугой кручин.

Сменяются слезы сердцебиеньем —
это же жизнь во всей красоте! —
Над ней облака в круженье круженье
рождают в любой правоте.

Тучнеют безбольные флоксы,
и хочется сны разгадать,
и хочется сдуть эти лживые росы
брандспойтов, лелеющих сад...

И хочется кинуть прекрасный и ранний,
будящий и режущий мир —
кто перед кем? Виноват или ранит? —
и хочется в монастырь.

Полно! — Все выживут! (кроме погибших!)
Память... О, память... Лавр ли, клеймо? —
Ранит вражда этих бывших любивших:
здесь море, здесь ветер, здесь солнце само...

Всесильные тучи! — Я б вас покорила,
вспененные флоксы тому б принесла,
поверг кто дракона-Природу и силой
вознес человека из муки и зла.

Я оплакивал любимую в садах,
Я оплакивал любимую в полях,
Я оплакивал любимую в цветах,
Я оплакивал любимую в снегах.

Май прилег на розовых полях,
Нежный ветер зашептался в камышах,
Вспыхнул огонек на тополях,
Ласковый напев поплыл в ушах.

Пустая квартира полна звуками —
упала книга, вскрикнуло стекло:
все живо, все тепло.
И вещи эти, что пугают стуками,
приводят за руку весь мир в окно —
и ошибиться не дано,
и все очень просто: ты можешь не делать, не надо,
ты можешь улитку бездонно свивать;
а мир — он шагает,
и мучим — не тот, кто тебя не поймет,
а ты, которого не понимают.

ЗАКЛИНАНИЕ

Кабы келья моя
в монастырский двор
окном-светом резным
выходила,
я б молитвы певала,
очи камням склоняла,
черну ризу свою возлюбила.
Но оконце мое
в дол зеленый глядит,
по дубравам, по дремушкам стелется,
поздним вечером моя песня зовет
по тоске тоску свет-Аскольдовича.
Ты, тоска моя,
лейся вдоволь-всласть,
все замки пройди зорькой в тереме,
взвейся жарким сном под высокий свод,
столбом огненным в холодок утра.
Пока здесь сижу
с челом каменным,
руки-змеи на узких коленях,
ты пойдди-возьми его ласково,
впейся в сердце, тоска моя горькая,
уведи от пиров, от княжны молодой,
поведи по лугам-лесам ясенным,
замани на века веков молодца
искать волю твою,
искать келью мою,
искать песню Данилы-монахини.

ПОЗНАНИЕ

Когда столкнулся с своенравной жизнью
у принца Гамлета холеный интеллект, —
он, кажется, в безумье облачился,
всех уз священных разорвав обет?

И говорят, что физик отрешенный
в кромешном бухенвальдовом аду
вдруг потерял значения законов
Кирхгофа и Ампера, как в бреду.

А мне что даст многоступенность истин
о Гамлете, о крови, о войне? —
Ван-Гоговским винтурным кипарисом
покажется костер сожженья — мне?

памяти Фридерика Шопена

Сейчас,
вот только что,
смотрела я в окно —
здесь луч спокойный жил,
здесь розовой казалась зелень сада,
здесь розовым стеклом горел соседний дом
и, безмятежно-милый, не вторгаясь, радовал...

Где солнце? Где тепло? Где радугой горящее стекло? —
лиловы листья, мутные угрозы,
и серый дом мрачнеет и молчит,
нависла память грустными ветвями,
и ветер тихо шелестит словами... —
неявственное *za!* печалью в них звучит.

*Слово *za!* было надписано рукой Шопена на связке писем Марии Водзиньской*

У меня на стене
чудный всадник возник
на обоях песчаного цвета:
кто-то взял карандаш
и легко посадил
на коня чужеземца в доспехах.
Я не вспомню числа,
не заметила дня,
когда с ним очутилась в соседстве —
кто его рисовал?
и о чем рассказал?
О коне? О доспехах? О сердце?

РОДИНА

В дремучесть леса сине-сизого
взлетает фейерверк рябин;
колючесть травки, низкий дым,
свет молока, над всем разлитого.

Недвижимый покой пруда
тяжел и маслян, как тревога,
и молчаливая дорога
не приглашает никуда.

И кажется, как все забытое
в крови способно прорасти, —
когда разбито и засыпано,
и некуда уже идти, —

останутся твои одни
родные пролеси с рябиной,
с землянкой одинокой, дымной,
что от дороги не видны.

Пока по улице метет
подряд зима, весна и лето
без послабления, без просвета
за годом год, за годом год,
безропотно валит народ
по руслу верных погребений, —
из окон музыка растёт
деревьями возникновений
из заговоренных мгновений
и углубляет небосвод.

Что люди хотят от стихов?
В быту, верно, музыки мало,
и все же устроено все,
чтоб раз или дважды лет в сто
кого-то она наполняла.

И, переполняя, лилась
ручьями и реками — в море,
дождем ниспадала, как страсть,
огрела звучаньем — и в море.

И жизнь каждодневных шумих
распластана как материк
среди мирового пространства
гармонии, музыки, танца.

Дождик, ночь, спешит со мной
капля, по плечу стуча.
За дорожной темнотой
вдруг из лужи голубой
поыхнет свеча.

Тихо. Думаю о том,
кто и знать не знал,
что за домом, за углом,
за сиреневым кустом
под дождем стоял.

На улице идет дождь.
Под ногами глинисто и скользко.
Окно
разрисовано деревьями,
как фотография в журнале «Чешское фото»;
над городом висит мокрый флаг, ветер
не в силах шевельнуть его.
И только когда под мокрым флагом
прошла девушка в светлом,
в розовой радостной шапочке,
не боясь капель и брызг,
я ощутила, что жизнь — всеобщая,
и если в какую-то минуту и замирает во мне,
подавленная безвыходностью, —
это вовсе не безвыходность жизни,
а моя безвыходность на улицу,
где прыгает через лужи моя жизнь,
не спрашивая на то никаких разрешений,
она предпочитает розовый цвет,
который я терпеть не могу.

Зачем так страшно гонишь, жизнь,
выталкиваешь из себя?
Каким чудачествам твоим
не отвечаю я?

Зачем явила этот мир
моим преступнейшим очам,
зачем он бредом золотым
меня очаровал?

Зачем повсюду и везде
таишь приманки чудных лиц,
зачем никто из чутких крыс
не отвечает мне?

Зачем рядишься шлейфом дней,
прекрасных, как павлинья суть,
зачем мне надрываешь грудь
щемящей прелестью своей?

О чем, в последней наготе
представ передо мной,
взываешь в муках на костре
из красоты земной?

Мне говорила цыганка —
два счастья есть на земле:
тайное счастье — и маска,
вся в блестках, в цветастой золе.

Не плачь — она говорила —
и не кляни неудач:
есть в тебе тайная сила,
тайное счастье. Не плачь!

Не горюй, когда не жалеет
жизнь, не считай за зло:
она тайно, не зная, верит,
что тебе навсегда повезло.

Не печалься о муже-брате,
не тужи, что его не нашла:
он знает, что ты когда-то
здесь, по земле, прошла.

Опять пошел снег,
и красная школа напротив
мерещится будто во сне —
вчерашней радости оттиск.

Я не увижу полдня,
звонка, кричащей гурьбы,
и эта тихая школа
как будто действительно спит,

в одну и ту же минуту
видимая каждый день,
всегда — для меня — закрыта,
пуста, Старый замок, тень.

Что я здесь оставляю? —
зубную щетку в синей сумке, хотя давно хотелось бы
новую щеточку, новую, красивую, и новую сумку тоже
хотелось бы, красивую, новую; в синей сумке (старой)
пачку писем — можно их и не брать с собой зачем они
мне? не собираюсь их перечитывать, даже если захочется —
остается только память, хотя разве можно будет ей
доверять даже в самом скором времени ты будешь одета
в муаровый плащ сине-сереневый балахон гвоздики кругом
одни гвоздики а где будешь ты и твой неметеный пол
угрюмые глаза горбуни пахло мятой наше воскресенье
единственный день недели единственный день в году
единственный в жизни самый бедный день ни одного
возбуждения на вялых безжизненных лицах улицах
даже желания убежать любовь увядала я не мог ничего
придумать ничего захотеть ты пахла мятой твое
желание жить было невыносимо а память оденет тебя
во все то от чего ты хотела избавиться память оденет
тебя в твои ненавистные старые вещи.

Бессмысленно пререкаться с машиной.
Она для этого чересчур разумна.
И если ты станешь ее умолять помочь тебе —
ты просто безумец.
Спрячь неприличия эти, чувства!
Ты же невыносимо смешон.
Лучше пошевели мозгами
и разберись — где рычаг, где пружина.
Откуда выскакивают ролики,
откуда — шарики.
Подожди, куда ты рванулся!
Ты справишься сначала, что почем,
потом уже приступай к обучению.
Но слишком не мешкай —
не так уж долг
срок этой единственной и драгоценной жизни.

МУЧЕНИЯ СВЯТОГО
(из старых итальянских мастеров)

Собака — пойнтер — безучастна.
Служитель деловито
подкидывает дров (вот так
мой брат по вечерам серьезно рассуждает,
что надобно ввести особую систему
наград и наказаний). Аккуратно,
дельно, к месту прикладывает рыжий малый
каленный прут к искромсанному телу.
Из публики кой-кто,
не веря в пользу наказания, болтает.
Прелат мечтательно-задумчив. Кочегару
дым ест глаза. На облаке же дутом
Царь Небесный
умильно эту сцену наблюдает,
движеньями, исполненными неги,
ниспосылая ангелов в веночках.

Где-то я знаю сейчас еще дышит песчинка
на пустом холодном берегу бездонной речки
где однажды было лето ветер вера
шелестели лопухи стрижи кричали
жизнь была бездомной сумасшедшей
костер на мокром берегу дымился
и до сих пор не можем вымолвить ни слова
особенно когда луна

СОДЕРЖАНИЕ

Река стояла. Лед хранил лягушек	3
Пальцами рассеянно растерла	4
Задумчив нежный взгляд мадонны Литта	5
1 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА	6
ФУГА СМЕРТИ	7
Над медленно струящейся рекой,	8
Солнце сугробы	10
Альфред Теннисон	11
У.Шекспир. Music	12
Кот на цепи, и пенье клетки,	13
Не потому, что люблю тебя,	14
П.-Б. Шелли. Music	15
Мне говорят — нет в мире ярче мая,	16
Всем позволяю	17
Есть разум,	18
Сидни Кейс (1922-1943)	19
САДОВНИК	19
АНТИСИМВОЛИСТ	20
ПОЭТ НА ВОЙНЕ	22
Листья устали опали спустились	23
Круг быта сомкнулся вокруг, как петля,	24
ЗАРАТУСТРА	25
Не помню дня, когда я понял,	26
Сменяются слезы сердцебиеньем —	27
Я оплакивал любимую в садах,	28
Пустая квартира полна звуками —	29
Кабы келья моя	30
ПОЗНАНИЕ	31
Сейчас,	32
У меня на стене	33
РОДИНА	34
Пока по улице метет	35
Что люди хотят от стихов?	36
Дождик, ночь, спешит со мной	37
На улице идет дождь.	38
Зачем так страшно гонишь, жизнь,	39

Мне говорила цыганка —	40
Опять пошел снег,	41
Что я здесь оставляю? —	42
Бессмысленно пререкаться с машиной.	43
МУЧЕНИЯ СВЯТОГО.....	44
Где-то я знаю сейчас еще дышит песчинка	45